ПРАКТИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СССР (1966–1991) И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ (на материале Татарской АССР)

М.В. Кильдеев

Социологическое изучение уровня религиозности общества – одно из актуальнейших направлений в российской социологии. В остальном мире, где проблема счета числа верующих стоит не столь остро, эта тематика находится на периферии социологической науки. В большинстве стран Европы вопрос о конфессиональной принадлежности входит в программу национальных переписей[1]. К такому в общем-то ненадежному и неточному методу, как массовые опросы населения, там прибегают в основном для выяснения доверия к Церкви и при крупных сравнительных проектах. В СССР и в постсоветской России государство отказалось от официального учета числа верующих. Поэтому вопрос о конфессиональной структуре общества полностью отдан на откуп самим конфессиям и социологам.

В советское время социологические исследования были продолжением и одним из инструментов атеистической политики. Лишь небольшая часть эмпирических данных получила отражение в научной литературе.[2] Эмпирический опыт советской социологии сегодня практически забыт вместе с его научными результатами, которые пытаются подвести под сопутствовавшую политическую конъюнктуру и объявить недостоверными.[3] Многие ретроспективные работы о религиозной жизни советских мусульман, претендующие на энциклопедичность, вообще никак не затрагивают социологические показатели.[4]

---

[1] См.: *Тульский* М. Роль Церкви в странах Европы и Северной Америки // НГ-Религии. 2002. 27 сент.

[2] По Татарстану см.: *Тагиров Р.Г.* Критерии религиозности и типология современных верующих (на примере ислама). Казань, 1972; *Балтанов Р.Г.* Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания (Проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР). Казань, 1973; *Ахметова* С. Дин тотучыны яхшы белерг□ // Атеизмны – массага. Казан, 1972. 49–62б.

[3] *Вигилянский* В. Новое исследование по старым рецептам // Новый мир. 2001. № 4. С. 156–164.

[4] *Юнусова* А.Б. Ислам в Башкирии: 1917–1994. Уфа, 1999.

В статье предпринята попытка проследить развитие социологического изучения религиозности населения на республиканском уровне. Наше исследование основано на изучении фондов Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Татарской АССР, фондов республиканских партийных органов из Национального архива Республики Татарстан (НА РТ) и Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ).

Первое интересующее нас исследование было проведено в Казани лабораторией социологических исследований университета в 1966 г. По мнению авторов справочника «Словарь-справочник об исламе», это первое массовое репрезентативное исследование религиозности населения в стране[5]. Монография, написанная по итогам исследования, стала настольной книгой специалистов в области атеистического воспитания[6]. Нельзя сказать, что до этого религиозность населения никем не изучалась.

Мы выделяем три этапа в развитии исследований в Татарстане: первый (до 1966 г.), его можно назвать до-социологическим; второй, который охватывает времена внутриполитической стабильности (1966–1985 гг.); третий (1986–1991 гг.), пришедшийся на перестроечные времена. Поскольку эта область исследований в СССР была монополизирована идеологическими органами КПСС, каждый конкретный этап характеризуется в первую очередь спецификой религиозной политики государства, а уже затем уровнем развития научной дисциплины.

Первый этап лучше всего характеризуется отсутствием диалога с Церковью и признанием свободы совести для верующих на уровне деклараций, что не стимулировало интерес к фактической распространенности религиозных убеждений. На теоретическом уровне свидетельства сохраняющейся религиозности граждан удобно объяснялись «пережиточностью» и затуманенностью сознания, эксплуатируемой служителями веры. В соответствии с этим подходом наблюдение в виде жесткого контроля велось за немногочисленными зарегистрированными религиозными общинами, подчиненными Московской Патриархии и Духовному управлению мусульман.

Большинство верующих контактов с официальным духовенством и с оформленными в законном порядке религиозными общинами не имело. На 1961 г. в

---

[5] Ислам дине турында белешм□-с□злек / т□з.: С.М. М□hдиев; авторлар коллективы: Я.Г. Абдуллин, Ш.Ш. Абилов, Р.Г. Балтанов □.б. Казан, 1981.

[6] См.: *Балтанов Р.Г.* Указ. соч.

Татарской АССР на 2850 тыс. населения имелось всего 11 мечетей, что составляло 0,6% от дореволюционного, и столько же церквей. В конце 60-х гг. Уполномоченному Совета по делам религий по Татарской АССР ежегодно поступало от трех до пяти ходатайств от православных, мусульман, баптистов о регистрации религиозных общин, которые под тем или иным предлогом отклонялись[7]. Жесткий полицейский контроль над законопослушным официальным духовенством стимулировал стихийный рост религиозного подполья. Архивы сообщают о распространении «самиздатовской» религиозной литературы; о беспрепятственной деятельности «самозванных», «бродячих мулл и абыстаев»[8], которые руководили молитвенными собраниями и отправляли обряды в домах верующих. Дело дошло до того, что в 1969 г. Министерство финансов РСФСР потребовало от своих подразделений подвергнуть последних к налогообложению[9].

В новой антирелигиозной политике, нашедшей выражение в постановлении ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений советского законодательства о культах» (1960) и в секретной «Инструкции по применению законодательства о культах»[10] (1961), акценты были смещены к контролю за «религиозным подпольем», к которому был отнесен в том числе неофициальный ислам. После выхода постановления Секретариата ЦК КПСС от 2 января 1964 г. «О мероприятиях по усилению атеистического воспитания населения» районные, поселковые, сельские органы власти обязали отчитываться о любом проявлении религиозной активности на подотчетной им территории.

В отдельно взятой Татарской АССР попытка взять под контроль деятельность неформальных религиозных групп мусульман провалилась. Получалось, что местные органы власти в лице исполкомов обязаны были держать под контролем число неофициальных религиозных групп, а в лице комиссий «содействия контролю за законодательством о религиозных культах» в то же время вести точный учет их количества. Местным властям ничего другого не оставалось, как саботировать эту часть постановления ЦК. Вместо полезной информации, которая позволила бы осуществлять администрирование, Уполномоченный Совета по делам религий стал получать с мест сводки о самоликвидации организованных групп верующих в татарских населенных пунктах и об отсутствии организованных служб в дни

---

[7] НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. № 81. Л. 73.

[8] Там же. Ф. Р-871. Оп. 1. № 51. Л. 2, 25–58.

[9] См.: *Ибрагимов Р.* Неофициальные религиозные объединения мусульман Татарстана в 1940–1960-е гг. // Ислам в советском и постсоветском пространстве. Казань, 2004. С. 170.

[10] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 306.

религиозных праздников. Если в 1961 г., по данным единовременного учета, в республике было взято на учет 646 действующих неофициально мусульманских общин, то к 1966 г. их количество сократилось до 60. Большинство остальных прекратило деятельность «благодаря большой разъяснительной работе». Недоумение столь стремительными темпами искоренения религии высказали и надзорные органы[11].

Второй этап. Альтернативы выборочным репрезентативным исследованиям как источнику информации о латентной религиозности просто не было. К этому выводу пришло и руководство страны, к тому времени реабилитировавшее социологию. В 1964 г. при Академии общественных наук при ЦК КПСС был создан Институт научного атеизма (ИНА), одной из задач которого стало проведение социологических опросов и сбор данных об отношении советских людей к религии и атеизму.

То, что первое исследование ИНА было проведено именно в Казани, по-видимому, неслучайно. Республика выступала экспериментальной площадкой для социологического измерения как «сближения наций», так и «преодоления остатков религиозных пережитков». Полученная статистическая информация в целом подтверждала идеологический тезис об отмирании религии в социалистическом обществе. Выяснилось, например, что большинство горожан в Бога не верит (табл. 1); что в основной массе верующие представлены категориями, находящимися на периферии социалистической экономики (пенсионеры, неквалифицированные рабочие, домохозяйки), с низким образовательным статусом; большинство верующих (81% по всем конфессиям) составляют женщины и т.д. Последнее наблюдение особенно актуально для ислама, поскольку в те времена было не принято, чтобы мечети посещались женщинами. Следовательно, досоциологическая отчетность, не учитывавшая эту часть верующих, была категорически неполной.

Таблица 1

Уровень религиозности среди основных национальных групп Казани

(1966 г.), в %. *n*=4708

Конфессиональная принадлежность	русские	татары	по всем национальностям
Православные	19,0	0,65	12,5
Мусульмане	–	25,1	8,2

[11] ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 7. № 87. Л. 25 (Информационный отчет о деятельности религиозных объединений на территории Татарской АССР за 1965 г.).

Другие конфессии, неназвавшиеся	0,43	–	0,3
Всего верующих	19,4	25,8	21,0

По мнению чебоксарского исследователя Л.Ю. Браславского, результаты конкретно-социологических исследований выполняли идеологический заказ: подтвердить, что в условиях социалистического общества более высокая религиозность у населения, обособленного от производства и наиболее сохранившего национальные традиции, замешанные на религии[12]. Мы не вполне согласны с такой точкой зрения. Результаты первых исследований выглядят одномерными не вследствие каких-то намеренных искажений, а по другой, очень простой причине: они не обеспечивали анонимность процедуры опроса. Огласка в столь деликатном вопросе, как свобода совести, в общественной обстановке тех лет была чревата для верующего респондента карьерными проблемами, что не способствовало установлению доверительных отношений между верующими и социологами.

О масштабах предполагаемых искажений говорят результаты методического эксперимента этносоциологов Академии наук СССР, проводивших свое исследование в Татарской АССР в 1967 г. Положительный ответ на вопрос о праздновании мусульманских религиозных праздников дали 34% респондентов, когда их опрашивал интервьюер русской национальности, и 44% – когда интервьюер был татарской национальности[13]. Очевидно, что из двух показателей ближе к истине второй, полученный при лучших коммуникативных условиях. Не исключено, что специализированные исследования также давали значительное отклонение от фактической религиозности.

На момент активизации социологического изучения религиозности научно-атеистическая пропаганда стала основным инструментом антирелигиозной политики. Пропагандистская деятельность включала лекционную пропаганду, индивидуальную работу с верующими, выпуск статей в массовой печати, показ тематических киножурналов и фильмов.

---

[12] См.: *Браславский Л.Ю.* Ислам в Чувашии: исторические и культурологические аспекты. Чебоксары, 1997.

[13] Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн. 1. М., 1990. С. 63.

Исследование в Казани показало, что эти методы в отношении верующих несостоятельны. Дело в том, что среди опрошенных была обнаружена небольшая категория лиц прежде верующих, но на момент опроса отошедших от религии (около 5% по выборке). Исследователей очень интересовали причины этого отхода. Они ожидали слов о влиянии атеистической пропаганды, но «вероотступники» ссылались на весьма туманные жизненные обстоятельства (см. табл. 2). Это в общем-то закономерно, учитывая, что для верующих причиной прихода к вере стало отнюдь не чтение религиозной литературы или страх перед загробной жизнью, в существовании которой их в конце концов можно было бы переубедить, а полученное в семье и в старой конфессиональной школе воспитание[14]. Такая статистика наносила ощутимый удар по авторитету системы атеистического политпросвещения[15], чей отряд количественно превосходил официальное духовенство в республике не менее чем в 100 раз[16].

Таблица 2

Причины отхода от религии прежде верующих респондентов[17], *n*=253

Причины вероотступничества	В абсолютном исчислении	%
Влияние советской действительности	154	61
Полученное в семье и в школе атеистическое воспитание	53	21
Чтение антирелигиозной литературы	18	7
Посещение антирелигиозных лекций	17	6,7
«Обнаружившаяся несостоятельность религиозных книг»	11	4,3

В целях углубления полученных результатов следом была проведена серия исследований с целью изучения религиозности населения в сельской местности и в малых городах. Обследования на селе показали, что в местностях с татарским населением уровень мусульманской религиозности и обрядности был

[14] ЦГАИПД РТ. Ф. 26. Оп. 37. № 1089. Л. 267.

[15] Там же. Ф. 15. Оп. 7. № 694. Л. 218 (Постановление бюро ГК КПСС г. Казани «Об итогах социологического исследования религиозности населения города и задачах по дальнейшему улучшению атеистической работы» от 15 мая 1967 г.).

[16] Там же. Оп. 14. № 403. Л. 37.

[17] Там же. Ф. 26. Оп. 37. № 1089. Л. 268.

выше, чем в столице республики[18]. Важным итогом бугульминского исследования стала эмпирическая типология верующих, пригодная в отношении мусульман.[19] В дальнейшем по испытанной в республике методике исследования были развернуты по всей стране, в том числе в Пензенской (1968), Куйбышевской (1969), Горьковской областях, в Марийской АССР (1972) РСФСР, в Узбекской ССР. По результатам социологического изучения религиозности населения измерялась эффективность атеистического воспитания в регионе, корректировались мероприятия по атеизации общества.

Третий этап. Если первые исследования с некоторыми оговорками подтверждали официальный тезис об «отмирании религии», то последующие демонстрируют архаизацию утратившей способность к развитию коммунистической идеологии и плачевное состояние антирелигиозной пропаганды. В отдельно взятых районах республики ислам обладал едва ли не большим влиянием на население, чем Коммунистическая партия.

В апреле 1987 г. в Казани и в пригородном Арском районе среди татарского населения был проведен опрос, входивший в комплексный социологический проект ИНА «Состояние религиозности и атеистическое воспитание в регионах традиционного влияния ислама». Непосредственным поводом для столь масштабного исследования стала обеспокоенность руководства страны опасностью влияния на советских мусульман зарубежных фундаменталистов[20]. Социологи в полной мере воспользовались организационными возможностями проекта для получения сравнительной информации о влиянии ислама на население мусульманских регионов. Результаты, по-видимому, ни в какой форме не публиковались.

Вопреки прогнозам, уровень религиозности в республике не снижался. Среди татар Казани доля верующих за 20 лет выросла с 26 до 30%. В Арском районе уровень веры в Аллаха (34,3%) был немного ниже, чем у коренного

---

[18] См.: *Балтанов Р.Г.* Указ. соч. С. 33.

[19] См. там же. С. 145.

[20] Исследование проводилось во исполнение секретного постановления ЦК КПСС от 18 августа 1986 г. «Об усилении борьбы с влиянием ислама», и предшествовавшим ему Постановлением ЦК КПСС от 21 октября 1985 г. «О дополнительных мероприятиях в связи с активизацией в странах Азии и Африки “воинствующего ислама”». (ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 14. № 403. Л. 39).

населения Узбекской ССР (36,6%) и выше, чем в Азербайджанской ССР (17%) и Карачаево-Черкесской АССР (24%). По тщательности соблюдения венчальной и погребальной обрядности и по массовости участия в религиозных праздниках татары уступали только селянам из Дагестанской АССР и Таджикской ССР[21].

Данные о возрастной структуре верующих демонстрируют устойчивость сообщества верующих и его способность к самовоспроизводству. В 1966 г. 61% пенсионеров отнес себя к верующим мусульманам. Если соотнести «нижний» пенсионный возраст с исторической хронологией, то выяснится, что личностное становление того поколения пенсионеров завершилось еще до коллективизации и первых пятилеток. Казалось бы, за 20 лет категория пенсионеров должна полностью обновиться, а в пополнение к ней с заводов, фабрик и из советских учреждений должна была прийти новая когорта, свободная от религиозного влияния. Однако к 1987 г. доля верующих среди казанских пенсионеров-татар даже возросла (до 66%).

Происходит омоложение состава верующих. Религиозность проникает в те слои населения, для которых показной атеизм еще недавно считался частью стиля жизни – это комсомольская молодежь, интеллигенция и, как ни странно, члены правящей партии. Среди молодежи верующих оказалось около 15%, среди инженеров и служащих – 12%. Это при том, что двумя десятилетиями ранее в татарской подвыборке верующих не обнаружилось ни одного лица с образованием выше средне-специального.

В апреле 1988 г. было исследовано татарское население отдаленного Октябрьского района. Опрос был проведен параллельно среди трудящихся и среди коммунистов из числа партийно-хозяйственного и идеологического актива района[22]. 12,2% опрошенных сообщили, что посещают мечеть, 43,5% – что верят в Аллаха. Среди коммунистов процент верующих составил 19,5%, среди комсомольцев – 29,5%. Московские исследователи особо отметили, что «практически никто из коммунистов не смог четко изложить требования нового Устава КПСС к члену партии в отношении религии»[23], который по-прежнему обязывал членов партии «вести решительную борьбу… с религиозными

[21] ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 934. Л. 222–223.
[22] Там же. № 933. Л. 58.
[23] Там же. Л. 60.

предрассудками».

По сути, опросы только подтверждали ведомственные сводки об усилении позиций ислама в обществе. Мусульмане республики оперативно воспользовались либерализацией религиозной политики и постарались легализовать свои религиозные группы, только учтенное число которых к 1986 г. достигло 800[24]. Помимо просьб о регистрации и разрешении на строительство, в органы власти поступают многочисленные ходатайства о возвращении отобранных когда-то культовых зданий. В этом требовании с верующими солидаризуется национальная интеллигенция.

Во второй половине 80-х гг. активизируется социологическая деятельность партийных органов республики. Ежегодно проводится до 100 эмпирических исследований по актуальным проблемам общества и партии. В 1989 г. идеологический отдел ГК КПСС Казани провел исследование проблем атеизма и религии среди трудящихся города[25] (см. табл. 3, 4).

Таблица 3

Отношение трудящихся к религии в зависимости от партийности, в %. n=721

Партийность	Считают себя:		
	верующими	неверующими	атеистами
Беспартийные	19,4	68,1	12,5
Члены ВЛКСМ	11,4	77,1	11,4
Члены КПСС	3	70,4	26,5

Таблица 4

Отношение трудящихся к религии в зависимости от возрастной категории (1989), в %. n=721

Возраст	Считают себя:		
	верующими	неверующими	атеистами
18–25 лет	14,3	73,6	12
25–35 лет	8,6	82	9,5
35–45 лет	17	65,6	17,4
Старше 45	26,2	52,5	21,1

[24] Там же. Оп. 14. № 403. Л. 83. Для сравнения: открыть сходное число мечетей по республике удалось только в 2001 г.

[25] Там же. Оп. 15. № 1626. Л. 47.

Верующими тогда себя признали 14,5% опрошенных. Это высокий показатель, учитывая, что в 1966 г. среди трудоспособного населения верующих оказалось всего 10% (см. табл. 5). Если в ранних исследованиях возрастная структура верующих представляла собой перевернутую пирамиду, суженную к основанию (табл. 5), то сейчас основание становится более широким и устойчивым (табл. 4). Исследование дает представление о том, в какой возрастной категории произошел качественный сдвиг. Это молодежь 18–25 лет, появившаяся на свет во второй половине 60-х гг., в разгар антирелигиозной кампании. По-видимому, прав Е. Жирнов, утверждающий: «В эпохи, когда священнослужители притеснялись властью, сочувствие и поддержка верующих были им гарантированы»[26].

Таблица **5**

Отношение населения к религии в зависимости от возрастной категории (1966), в %. n=3755[27]

Возраст	Считают себя:	
	верующими	неверующими и атеистами
18–23 лет	1,2	98,8
24–35 лет	3,5	96,5
36–45 лет	9,5	90,5
Старше 45, но моложе 60 (или 55) лет	26,6	73,4
Всего	10	90

К концу 80-х гг. эмпирическое изучение проблем атеизма и религии сворачивается. С 1990 г. по республике не проводились комплексные исследования религиозной ситуации. Об уровне религиозности в Татарстане косвенно можно судить по результатам этносоциологических исследований, в которых уровень религиозности рассматривается в качестве составного элемента межнациональных отношений[28].

[26] *Жирнов* Е. «Нет им воли ходить в церковь» // Коммерсант-Власть. 2007. № 12 (717). 2 апр. С. 72.

[27] Пересчитано по данным: ЦГАИПД РТ. Ф. 26. Оп. 37. № 1089. Л. 262–263.

[28] В инструментарий, предназначенный для изучения этносоциальных процессов, обязательно включаются вопросы об отношении к религиозной вере и обрядности. Однако приобщение этих данных к системе религиоведческого знания оказывается затруднительным в силу

* * *

Когда речь идет о «религиозном возрождении» в Татарстане, часто встречаются указания на ведущую роль в этом процессе внешних сил (государственная поддержка религиозных институтов или, наоборот, влияние зарубежного ислама) и идеологических перестановок (замещение религиозным сознанием коммунистической идеологии в силу «кризиса идентичностей»). Такая точка зрения, умаляющая значение внутриконфессиональных процессов, далека от истины. Результаты опросов и наблюдений выявляют определенную динамику религиозной ситуации в республике, в частности, постепенный, но уверенный рост числа верующих-мусульман вопреки запретам на образовательную и миссионерскую религиозную деятельность.

О степени влияния института религии в Советском Татарстане говорит тот факт, что признаки надвигающегося крушения государственной идеологии в противостоянии с религиозным сознанием в республике обнаружились намного раньше того, как сформировалось общественно-политическое движение, бросившее вызов политическому монополизму КПСС. Социологические данные прекрасно иллюстрируют тезис о том, что любое общество само продуцирует обнаруживаемые в нем формы религиозности и что даже в социалистическом обществе религия представляет собой «специфическую форму удовлетворения социальных потребностей»[29].

© Кильдеев М.В., 2010

существенных различий в методике и расхождений на этой почве с данными специализированных исследований. См.: Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М, 1973; *Мусина Р.Н.* К вопросу о месте и роли религии в жизни современных татар (по материалам этносоциологических исследований в Татарстане) // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. I. Казань, 1992. С. 52–64).

[29] См.: Атеизм в СССР: становление и развитие. М., 1986. С. 101.